

Елена  
Хасецкая

ГУЛЯКИ СТАРЫХ  
ВРЕМЕН



ТОМ  
5

**Елена Владимировна Хаецкая**  
**Несчастный скиталец**

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=156536](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156536)

*Елена Хаецкая. Собрание сочинений в 5 томах. Том 5. Гуляки старых времен: Терра – Книжный клуб; 2004*

*ISBN 5-275-00975-5, 5-275-00859-7*

## Содержание

Письмо Гастона первое	5
Журнал Эмилии Э Сю, м-ль дю Леруа	6
Гастона письмо второе	12
Тетрадь м-ль Эмилии дю Леруа	14
Третье письмо Гастона на прежний адрес	16
Письмо Гастона на тот же адрес четвертое	19
На тот же адрес письмо Гастона пятое	23
Журнал Эмилии дю Леруа	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Несчастный скиталец, или  
невероятные приключения  
Гастона Э Сю, кавалера дю Леруа.  
(роман в письмах)**

**письма от лица Гастона написаны Тарасом Витковским**

**письма от лица его сестры Эмили – Еленой Хаецкой**

## Письмо Гастона первое

Южный Галадор. Помесье «Три ручья»  
Мишелю д'Арэ, баронету

Дорогой друг!

Я несказанно был удивлен, получив твое письмо, переполненное изъявлениями наидружеских чувств. Признаться, ты единственный не позабыл бедного Гастона. Увы, я даже всплакнул.

Ты спрашиваешь меня о новостях? Вздор. Какие могут быть у меня новости? Самая пустяковая.

Во многочисленных сражениях между Галадором и Вострийской империей люди погибают редко. Шутка ли: за четырнадцать лет войны было с обеих сторон убитыми не то сто тридцать четыре, не то сто тридцать шесть человек. Не считая, конечно, наемников, ополченцев и прочей дряни, каковая будто нарочно сама лезет под копыты!

Мне удивительно повезло в сражении при Аруке. Я не попал в плен. Двое вострийских всадников, как из-под земли выскочивших, вдоволь намяли мне боки своими мечами, зело похожими на ломы. Я накрепко запечатлел их в памяти своей – из-под измятых, сбившихся на сторону забрал видны были их лица – туповатые и почти ребяческие. Они совсем уж были готовы уволочь меня в плен, словно бы безчувственный куль, не случись меж ними ссоры из-за моей каурой кобылы, которая – клянусь честью – этого не стоила. А меж тем из-за леска показался наш разъезд, и доблестные победители мои предпочли убраться восвояси.

Твоего же покорного слугу ближайшим обозом переправили в курортный наш городок – Марсалену, в заведение лекаря Шипулера. В каком-то заведении за мной денно и нощно волочатся четыре подагрические старушки. Я же, стелая, сбегая от них на бульвар, весьма грязный по случаю оттепели, где и фланирую промеж инвалидных колясок.

Все здесь мне опротивело. От сюрпризов здешней погоды заняли бы косточки хоть и у водяного, к сырости приученного. Хваленая целебная вода отдаст протухшим яйцом. Сестры-сиделки злобны и невозможны уродки. А в моем номере водятся в изобилии свирепые клопоканы, кои употребляют мышьяк и сулему как бы деликатесные лакомства.

От дождей ломота в ребрах страшная – просто невозможно. Лечусь я знаменитыми припарками лекаря Шипулера. Каковыя припарки, если не свели меня в могилу, то сделали совершенным ипохондриком, в чем тебе и признается

твой искренний друг  
Гастон дю Леруа  
Шипулера заведение,  
третий день весенних праздников

P.S. Не мог бы ты прислать мне с оказией два пузырька пачулей? Мартос, мой слуга, коего я повешу, если он не отравит меня раньше, уверяет меня, что в здешних лавках нет любимого моего сорту.

Заранее благодарю  
Гастон

## Журнал Эмили Э Сю, м-ль дю Леруа

Милая тетрадка моя, подруга и советчица! С кем еще поговорить, когда некому излить душу? Жизнь наша в имени самая простая, а премудрости хозяйствования не настолько требуют ума, как сие воображает брат мой Гастон. Дед не любит его, заглазно всегда именует плюгавцем и еще похуже, напр., мокрицею в букольках, что не вполне справедливо. А я? Люблю ли я моего брата Гастона или, к примеру, деда нашего, чрезвычайно заслужонного кавалера, коего и покойная Ее Величество ласкала? В книге, которую прислала мне драгоценная моя Уара, верная подруга совместного счастливого детства нашего, много говорится о чудесах и радостях любви и дружбы. Некоторые страницы нарочито загнуты моей милой Уарой, дабы я обратила на них сугубое внимание.

Сейчас, поскольку есть у меня свободное время (а утренние часы всецело мои, и ненасытное хозяйничанье не смеет их пожрать!), лутше предамся мечте и попытаюсь привести в порядок мысли мои.

Здесь я клеиваю нарисованную мною два года назад пастельку – вид моей комнатки. С тех пор ничего не переменилось. Все те же полки с сушностями, все те же старинные банки стекла зеленого и синего, а также и стекла с разводами наподобие радуги; все те же покойные кресла, обитые ситцами; мой рабочий стол, моя почтовая бумага, перевязанная лентою... О прочем, напр., о постели, я умолчу – вдруг сия тетрадка попадетсЯ в чьи-л. нескромные руки?

Собирать и высушивать различные питательные и целебные растения – вот моя страсть. Иному смешно предполагать подобную страсть в молодой девушке, коей я являюсь, но какое мне дело до злых языков! Удивительно и преглупо устроены люди! (Это дед так говорит.) Еслиб я занималась приворотными зельями или варила отраву для докучных мужей ради скорейшего освобождения их развратных жен от узов постылага брака, – вот сие выглядело бы в глазах МНОГИХ весьма почтенно. Но коль скоро ничем подобным я не пробавляюсь, а только о том моя забота, как излечивать простуду, либо ломоту в костях особливою припаркою, то сие никому и не забавно и оттого выглядит скучно.

БОТВИНЬЯ – есть разновидность крошки. Изобретателем сего супа считается известный (?) землеходец, посетивший и отдаленнейшие рубежи, Арман де Кот-сюр-Ботвин. Исследованные им растения, и поныне обитающие в непроходимых и труднодостижимых джунглях, весьма иногда полезны бывают в пищеварении. На практике обыденной кухни их обыкновенно заменяют крапивою. Арман де Кот-сюр-Ботвин был пожран плотоядным суккулентом, о чем остались свидетельство и рисунок с натуры.

(Извлечено из «Календаря Новейшая Стряпуха», каковой календарь нарочно был выписан мною год назад из Любенсдорфа).

Не забыть!!! Пересказать сей отрывок деду с целью позабавить его и убедить насчет «Новейшей Стряпухи» – что это небезполезный предмет, но поучительный. Дед мой – личность весьма презамечательная, уклада, однако ж, старинного и оттого во всем непременно должен знать мораль, а коли из предмета никакой морали извлекаемо быть не может, то и предмет оный дедом разсматривается наподобие хлама.

## **Соус ореховый с древесной капустою**

**(из того же календаря, для памяти)**

Истолочь в ступе орех (лучше «мертвая голова» или «лешачий катышек») вкупе с чесноком. Прибавить к порубленной др.капусте. К сему присовокупить: воды горячей 2 меры, сметаны или сливок – 1 мера. Варить на слабом огне с пряностями, каковые сыщутся под рукою у рачительной хозяйки, но предпочтительнее иных – перец, горькая павлушка свежая или сушеная, бутон винтики душистой и корень двойчатый ароматный (1/2).

Милый друг мой Уара!

Сколь любезно с твоей стороны не забывать подруги лутших, быть может, наших лет, т. е. детских, погребенной в глуши провинциальной! Книгу «Услады дружества, или Собрание различных чувствительных, равно и нравоучительных случаев» получила и много провела над нею сладостных минут. Не есть ли присылка тобою этой книги сама по себе некая услада дружества?

Вновь берусь за тетрадь мою и с немалым угрызением совести гляжу на незаконченное черновое письмо к любезной Уаре моей. Заботы и вихорь коловращения житейского поглотили меня полностью. Увы, слабовольное создание! Неужто никогда я не исправлюсь?!!

Обнаружив некоторое воровство в винных погребах наших, дед изгнал взащей ключницу. Уличенная во всем, ключница сперва отрицала свое деятельное участие в краже, а затем, под громами и молниями, метаемыми дедом, стояла молча, но с самым подлым при этом видом. Наконец она высказалась в том смысле, что употребляла краденую наливку отнюдь не в целях наживы, т. е. продажи кому-либо на сторону, но вследствие преступной страсти, коей воспылала к нашему же эконому. От эконома сего, по мнению деда, и прежде никакой экономии, кроме растрат, не было, а тут еще открылось злоупотребление со стороны ключницы! Та же имела дерзость, говоря о «страсти», поглядывать в мою сторону, как бы ища сочувствия. Неужто сия отъявленная особа с красным носом и бегающими глазками полагает найти во мне понимание своей низменной похоти, выразившейся в краже наливки? Я с негодованием отвергаю самую мысль о подобном! Говоря коротко, эконом быв отдан в солдаты, а РАЗВРАТНАЯ КУРИЦА (как дед поименовал ключницу) отправилась куда глаза глядят – по справедливому мнению деда, в какое-нибудь непотребное место.

Как далеки подобные люди от истинного понимания любви и дружбы! Но не всякому дано усладить свою душу чтением «Усладов дружества», откуда не могу сейчас не переписать в заветную тетрадь свою одного рассказа.

### **Чувствительный однополчанин, ИЛИ истинная дружба выше полюбовничества**

Некий офицер именем Аруэ, быв на войне, получил изрядную рану и совершенно бы погиб, еслиб не один его однополчанин, кавалер благородный, хотя и несколько легкомысленный в том, что касалось до женского пола. (Впрочем, сие и извинительно вследствие молодости и счастливаго нрава). С того примечательнаго дня между обоими кавалерами – а имя второго было Аржан – завязалась самая нежная и преданная дружба. Бок о бок, наподобие братьев, прошли они чрез все невзгоды военные, после чего воротились в столицу,

где каждый предался тем занятиям, к коим лежало сердце, и сообразно средствам и возможностям.

Спустя некое время кавалер Аруэ обзавелся любовницею, дамой весьма пригожей, веселой и ласковой. Будучи доверчив и прост, Аруэ не преминул познакомить свою даму с лучшим другом своим, и вскорости кавалер Аржан, не видя в том никакого зла, вошел в любовныя сношения с полюбовницею друга своего. Аруэ же ни о чем не подозревал.

И вот как-то раз, быв на улице, кавалер Аруэ вдруг ощутил такую печаль по своей даме, что немедленно отправился к ней и спустя короткое время уже входил в ее дом – без всякаго, однако, предуведомления. Каково же было его удивление, когда глазам его предстала полюбованная дама в недвусмысленных объятиях кавалера Аржана! Все трое смутились и замолчали, как бы онемев, не в силах найти слов для объяснения. От сильного волнения у кавалера Аруэ открылась старая рана, и, обливаясь кровью, упал он на постель неверной возлюбленной своей.

Тотчас друг его, кавалер Аржан, принялся рвать волоса на голове своей и стенать: «О, милый мой Аруэ! Для того ли вынес я тебя с поля боя? Неужто ради того, чтобы нынче же предать в когти лютой погибели? Неужто легкомыслие тех, кто всей душою тебя любит, сделается причиною столь плачевной участи?» – и проч. Так рыдая, друг и полюбовница кавалера Аруэ принялись врачевать его раны, поить его бульоном и целебными отварами, покуда тот не изцелился.

А изцелившись, простил обоих.

Вчера пришло печальное письмо – в столице скончалась дедова сестра, добрейшая наша тетушка Лавиния. Известие это я встретила горькими и вполне искренними слезами, ибо весьма опечалилась утратой; дед, однако, счел недостойным старого офицера проливать слезы, хотя бы и о сестре своей; но вид приобрел строгий. За обедом он весьма охотно пил наливку и при том бранил тетю Лавинию, говоря, что она была глупа.

– Уважайте, по крайней мере, в ней сестру свою! – пыталась я возражать. – Имейте почтение к старости и смерти!

– Вздор! – рявкнул мне дед, стуча об пол палкою. – Что до старости, то я и сам немолод и ничего в этом почтеннаго не зрю. А смерть, по мне, и вовсе никакого не заслуживает уважения! Еслиб Лавиния пала на поле боя, от вражеской лихой шашки иль с косматым копьем в груди! А так – от дряхлости, вызванной ленью, в окружении дармоедок и трясущихся мосек!..

Говоря сие, он сам яростно тряс головой и дважды плюнул на скатерть.

Напрасно указывала я, не без справедливости, что тетя Лавиния, смиренная старая дева и самое мирное существо, какое только можно себе вообразить, никак не могла-б погибнуть от удара шашкою и проч. Дед решительно ничего не желал слушать, сердился все больше и под конец аттестовал меня, вкуче с покойною тетушкой, ДУРАМИ.

Помимо известия о кончине тетушки прибыли и другие вести, напр., та, что столичный дом свой она отказала Гастону. Чтож, сие только справедливо, ведь ко мне переходит все имение наше; что до Гастона, то ему, конечно, городской дом гораздо приличнее. Впоследствии я могла бы даже делать ему визиты.

Но какая драгоценная вещь была доставлена мне вместе с письмами! Это – альбом тети Лавинии, изящнейшее творение ее бесконечно милых старческих ручек. Я до сих пор словно бы вижу перед собою сию почтенную старушку в ее причудливом чепце с различными бантами и шелковыми и бархатными цветами. Милая тетушка! Как превосходно умели ее хрупкие пальцы с их запахом корицы вывязывать самые различныя банты! Мне никогда, невзирая на все старания, не удавалось вполне вникнуть в тайны сего искусства, а премилая старушка, детски радуясь сему, тихонько смеялась, наподобие кудахтающей курочки-

наседки... Но – полно, Эмилия! Полно вспоминать тетю Лавинию, иначе при мысли о ее кончине слезы потекут из глаз твоих, и чернила расплывутся...

Тетушкин альбом занимает отныне почетное место на столе моем. Опишу его. Он переплетен в темно-красный бархат, поверх которого золотыми нитями вышито: «Лавиния» (!!!). Внутри содержатся засушонные цветки и, сообразно временам года и приличному настроению, различные стишки, заметки и изречения, например: «Трепещет на ветру пожелтелый лист, зная, что, может быть, следующий же безошадный порыв унесет его с ветки, унесет в неизвестность... навсегда! Не так ли и человек в ожидании судьбы своей?» Как сие верно и тонко подмечено! Отныне я не стану уж просто смотреть на осенние листья, как бывало прежде, глазами обыденности, но постоянно буду помнить о сходстве участв наших и об иных аллегориях... И так – во всем! Конечно, бедная тетя не сама все это придумала, но ведь отыскала по книгам и дала себе труд переписать, да еще таким изящным почерком!

Мне чрезвычайно понравились также портреты собачек тетушкиной кисти (пастель). Таковых портретов восемь, и все они выполнены со смыслом и изящно, также сообразно временам года. А именно. Тетя держала двух белых собачек, прозваньями Зимка и Снежка, двух коричневых – Брюшко и Медок, двух желтеньких – Дождика и Милушку и наконец двух черненьких – Ябку и Грушку. Каждую собачку она изобразила на фоне соответствующего пейзажа, причем в ошейники вделаны камни, также приличествующия сезону, а сбоку приклеены засушонные цветы и листья, наподобие гербария, снизу же сделаны примечания, напр.: «майоран обозначает ненавистницу мужчин» или «камнями весенними назовем сапфир и брильянт; первый означает раскаянье, второй – невинность». Я хочу нарочно переписать все это и прислать Уаре вкупе с коллекцией рецептов приготовления разнообразнейших сортов пудингов, кою собираю уже не единый год и коя составляет предмет моей, быть может, излишней гордости.

Милая Уара!

Не поверишь, должно быть, если скажу, что уже три месяца как пытаюсь окончить мое письмо к тебе и, перебелив, снести наконец на почту. Но всякий день вспоминаю тебя и никогда не забываю.

Как проходит жизнь твоя? Ты ведь тоже нечасто балуешь меня весточками. Впрочем, мысленно я нередко общаюсь с тобою, и это порой ПОЧТИ заменяет мне живую беседу.

Недавно случилось мне бывать на большом приеме в Любенсдорфе, где один знакомец наш, г.Ж\* (не хочу называть его имя – причина сему станет тебе слишком понятна, когда ты дочитаешь письмо) устраивал чрезвычайно эксцентрический праздник. Сей г.Ж\* вообще великий причудник и слывет оригиналом; отец его некогда дружен был с моим дедом – вот и причина для нашего знакомства, впрочем, весьма не близкаго. Тем не менее мы приняли приглашение и явились в Любенсдорф, дед – в старом своем заслужонном мундире, а я – в очень пышном светло-голубом платье с большим букетом живых цветов на груди. Цветы эти вставлены в маленькую золотую бутоньерку исключительно тонкой работы, причем внутри помещается влага, дабы букет сохранялся свежим на протяжении всего вечера. Такие бутоньерки, говорят, уже почти совершенно вышли из моды, и дамы предпочитают искусственные цветы живым – я, впрочем, нахожу сие предпочтением дурацким и следовать ему не намерена. Нет нужды изменять привычкам своим и хорошему вкусу в угоду пустоголовым ДУРАКАМ.

Разумеется, необыкновенность наряда моего (в том, что касается букета) тотчас была всеми отмечена, отчего присутствующие не преминули сотрясти воздух некоторым числом «приличных случаю» высказываний, вроде: «Столь свежему деревенскому цветку, возросшему среди буколик, хе-хе, натуральность, конечно, пристала более» и т. п. пошлости, а одна

дама, состарившаяся в нескончаемой баталии с природным своим безобразием, заявила не без кислого вида:

– Живой цветок хорош, покуда свеж; но как вы полагаете поступить, милочка, когда он увянет?

– А у меня в нарочитой бутоньерке влажная тряпочка, – отвечала я, – так что если он и увянет, то не раньше, чем вашу тряпичную розочку слопают моль.

А дед добавил, разглядывая сию препротивную даму в упор:

– Мушки подобных размеров, сударыня, уж не сердечку по форме своей подобны, но седалищу – сиречь ЖОПЕ!

Это он высказал с прямою и громкостью истинного гвардейского офицера былых времен!

Словом, мы с дедом едва не наделали скандалу. Дама сия оказалась одной из бывших любовниц г.Ж\*, а под мушкою она таила весьма огромную бородавку, составлявшую наибольшее несчастье всей жизни ея. Она залилась слезами, и два лакея увели ее в сад, где усадили возле фонтана и начали обмахивать веером.

Мы же все приглашены были принять участие в судебном процессе над премиленькой пестрою кошечкой, коя провинилась в съедении любимой хозяйской канарейки. Кошку вынесли в позлащенной клетке, где несчастная преступница (виновная лишь в том, что следовала натуре своей) громко, жалобно мяукала. Была также сооружена небольшая, очень изящно расписанная синими цветами и играющими среди них мышатами, виселица, на которой предполагалось, сразу по окончании судилища, публично казнить кошку. Ужасно было видеть, как наши дамы и кавалеры разразились смехом и даже аплодисментами при виде этого отвратительного орудия пытки и казни, которое с торжественным видом вынесли два жирные, чванливые лакея! Г.Ж\* нахлобучил добытый где-то старый парик, каких теперь уже не носят даже отставные полковые писари, и судейскую мантию, сильно траченную молью и иными невзгодами судьбы и, вышед перед гостями, зачитал обвинительный акт. Он показал также улики – желтое перышко, перегрызанную косточку птички и т. п. – сперва публике, а затем и кошке, причем та перестала мяукать и с видом крайней заинтересованности обнюхала и то, и другое, что было истолковано как полное признание ею своей вины, после чего кошку присуждено было повесить.

Напрасно указывала я на то, что кошка не могла поступить иначе, будучи кошкою. Напрасно указывала на несомненное сходство между поступком кошки и поступками, напр., наших офицеров и солдат, кои, будучи на войне, принуждены вступать в бой и даже убивать себе подобных, а также и лошадей и всех, кто подвернется. Доводы разсудка отнюдь никого не убедили – еще бы, ведь все они, честно говоря, жаждали только одного: КРОВИ! Полюбоваться на муки и смерть живаго существа! Вот ради чего они собрались, а вовсе не ради справедливости.

Тогда я прибегла к последнему средству и предложила внести выкуп за преступницу, объявив, что беру ее на поруки. Это предложение встретило куда более благосклонный отклик; тотчас составились фанты, и мне предложено было, в качестве выкупа, прилюдно поцеловать г.Ж\*. Что я и проделала, превозмогая, ради кошки, отвращение. После чего мне торжественно вручили клетку с заточенной в ней кошкою. Я же успела про себя рассудить, что она, должно быть, знатная мышеловка (так оно впоследствии и оказалось).

Провожая меня и деда к карете нашей, г.Ж\* с гаденькой улыбкою спросил: «Как же теперь прикажете поступить с виселицею, сударыня? Ведь она была построена нарочито ради сией птицежорки!». Я присоветовала ему повесить одного из своих жирных лакеев, после чего мы с дедом уехали.

На сем история вовсе не закончилась. Спустя неделю или более того нарочный привозит мне пакет из Любенсдорфа, где содержатся: письмо от г.Ж\* с формальным предложением

нием мне руки и сердца (воображаю, что за мерзкую жабу, должно быть, являет собою это сердце!) и портрет вышесказанного г.Ж\* в качестве предполагаемого жениха. На сем портрете г.Ж\* был представлен в чрезвычайно фривольном и гадком виде – в рубахе и штанах, без платка, с голой шеей! – он, изогнувшись, кормит лебедя! – ну не мерзость ли? Зря сие непотребство, дед мой, не дав посыльному и чаркой с дороги освежиться, прямо поперек письма начертал резолюцию – в подражание покойной королеве, коя также в иных случаях не весьма церемонилась – причем, сия резолюция заключалась в единственном энергичном слове: «Отказать!».

С тем посыльный и отбыл.

Что за глупое приключение! Одно хорошо: кошка наша, названная за трехцветный окрас свой Кокардою, исправно ловит в подвале мышей, а вечерами радуется веселой песенкою твоего верного друга

Эмилию дю Леруа.

P.S. Навек твой друг, в чем никогда не сомневайся!

### **О свойствах лица девического (надлежит ему от стыдливости краснеть)**

Извлечено из «Целомудрия девического», сочинение Брунгильды Левенсдорф цу Штайнен, перевод с вавстрийского

Украшение девиц есть достохвальный цвет и признак благонравия, и токмо один цвет в девицах приятен, т. е. краснение, которое от стыдливости бывает. И оттого в некоторых областях до сих пор в обычае давать девицам пред выходом их из дома в так наз. «люди» с сахаром и корицею вареное вино, дабы они пили сей суп винной и оттого могут быть зело красны. Однако ж надлежит помнить, что ПРИНУЖДЕННАЯ ЛЮБОВЬ И ПРИТВОРНАЯ КРАСКА НЕ ДОЛГО ПРОСТОЯТ. (Как это верно! – Э.)

## Гастона письмо второе

На тот же адрес  
Любезный Мишель!

От души благодарю тебя за пачули, коими я обоняние свое услаждаю посреди афронтов дорожных. Увы мне – проклятый Шипулер, несмотря на ясные признаки моих недомоганий, нашел меня совершенно здоровым. Сей жестоковыйный жрец медицины, скупостью моего пенсионера удрученный, отказал мне в своем гостеприимстве. Мартос, мой нерадивый слуга, сбил ноги в тщетных поисках приличной гостиницы. Но что же? Все странноприимные дома по самую кровлю оказались забиты. Отцы многочисленных семейств вместе со своими грудными жабами, одышками и сухотками, устремились по весне в Марсалену, прихватив с собою также чахлах отпрысков, гистерических жен и хвореньких камеристок.

Я совсем уж было собрался отчаяться, в каковом бедственном положении и застигла меня эштафета из столицы. О, неожиданная новость! Помнишь ли ты, Мишель, тетушку мою Лавинию? Будучи еще недорослями из Пажескаго корпуса, захаживали мы с тобою с визитами в премилый особнячок на улице Говорящих Голов. В каковом особнячке тетка моя и обреталась, окруженная приживалками и гадкими бесноватыми собачками. Еще и Гуннар, здоровенный теткин лакей, пребольно за ухо тебя выдрал за какую-то шалость, помнишь ли? Несчастливая моя тетушка после тяжелой хворобы покинула-таки юдоль скорби, не преминув при этом особнячок свой мне в наследство оставить. Ради каковых причин и еду я в столичный город, о тяготах и тщете жизни человеческой размышляя. И размышлениям сим изобильные дорожные колдобины зело сподручны.

Вверив свою судьбу наемному дилижансу и вознице угрюмому, порадовался я было отсутствием попутчиков. Ехать покойно, никто пустяков и вздору докучно не рассказывает – благодать! Ан не тут-то было. На станцыи при переправе подобрался к нам еще один пассажир. В приличной дорожной беседе он себя аль-Масуилом, государевым колдуном, именовал. По моему же разумению оный колдун более похож на ярмарочнаго прощельгу из тех, что всяких гадов укрощают на потеху толпе. Одет он был в парчовый халат, зело обтерханый, с золотым и серебряным шитьем, весьма неискusstным. В бороде у почтеннаго чародея крошки и иные остатки пищи щедро водились. А под грязною чалмою чело его избороздили думы тревожнаго свойства. Он все толковал об некоей опасности и важном государственном деле, якобы у него имевшемся. Скудность же своего багажа он объяснял лютостью здешних татей и происками неприятелей, каковые нарочито подстроили непогоду и отсутствие почтовых лошадей на станциях.

– Но я непременно должен государю о злобных кознях доложить, чем заслужу его благоволение, а возможно, и конфузию крупную предотвращу, – говорил он, сверкая очами.

Я же, взирая на его неказистость, весьма потешался.

– Я рад, – продолжал он, – в обществе дворянина вояжировать, каковой дворянин шпагою и отвагою своею дерзкому моему врагу отпор не преминет учинить, в случае на меня нападения.

Хотел я сказать ему со смехом: «Что мне за дело?», но колдун уже меня не слушал. Бормоча под нос сущую тарабарщину, он извлек из-за пазухи сушеные гоziнаки, коими зело неопратно принялся угощаться.

Оказался он вздорным и неприятным попутчиком. Откинув главу и уставив горе немытую бороду, аль-Масуил немелодично храпел, отверзнув при этом рот и выставив на позор коричневые зубья свои. Поминутно он просыпался с криками: «Караул! Убивают!» – на что угрюмый возница всякий раз останавливался, подозревая разбой, и удирал без оглядки, бро-

сив спящих на ходу лошадей своих. А государев колдун между тем под лавочку забиться норовил, судорожно за ноги мои хватаясь.

У меня же от свирепой дорожной тряски разболелись боки и разыгралась меланхолия. В довершение всех бед из чалмы сего бедоваго старца повыпрыгивали крупные, словно перлы, блошки, причиняя мне немало горя.

Доведенный до отчаяния, я вынужден был обезопасить себя от дальнейших невзгод, колдуном вызываемых. И на следующей станции Мартос, мой слуга, коварством любого татя превосходящий, аль-Масуила в уборной комнате запер. В каковую комнату тот сам вперед очереди вбежал. Так что уехали мы без него, слушая только горестные причитания, по округе разносившиеся.

Вот, пожалуй, и все курioзы, со мной приключившиеся. По дороге в столицу заверну я в родовое свое имение, проведаю деда своего, старого ворчуна, и сестрицу Эмилию, каковая, должно быть, уже ходит в невестах. Пиши мне прямо туда. Отпиши, каковы у вас носят шляпы? В столице, я слыхал, носят те же, что и в прошлом году, только плюмаж непременно трехцветный. Так ли это?

Я же, пользуясь оказией, в знак моего к тебе любительства, отсылаю особую щеточку для бровей, в серебряном футлярчике. Оную щеточку купил при случае еще в Марсалене. Также образцы тесьмы золотой на обшлаги, какие сейчас все носят.

Твой Гастон

писано на станции Ивина Запруда  
ледохода день семнадцатый

## Тетрадь м-ль Эмилии дю Леруа

Друг любезный Уара!

Давно не случалось мне черкнуть тебе и нескольких строк, дабы утвердить мое к тебе и всему семейству твоему любительство

Репы сушеной – 1 мешок

Капусты древесной квашеной – 1 бочка с четвертью (кладовка малая, подле хлева, где новолетьем Дормидонтка околела)

Маркровка в уксусе с чесноком – 3 паруньки с верхами

Киселя дикого – 12 брикетов мороженных (в леднике)

Проверить!!!

Милая моя Уара, безценный друг!

Вспоминаются мне часто былые наши совместные годы, заполненные невинными детскими играми. И хоть не назовешь старухами, ни даже и особами в почтенных летах тебя и меня, но немало уже растрчено нами лет и – увы! – кто может поручиться, что не впустую

Ромашки махровой – 1 часть

Лютика ядовитого – 0,2 части

Лютика сладкого – 1 часть

Мяты горчичной (совокупно с усиками) – 3 части

В измельченном виде греть на паровой бане, настоять же сутки в темном месте, процедить и с медом употреблять перед едою, натошак. От припадков гистерических.

Проверить!!!

Чувствую некоторую вину пред тобою, любезный друг мой Уара, оттого, что так долго не давала о себе знать. К тому были особливые причины, и первая из них – нежданный приезд моего братца, кавалера Гастона. Наверное, ты хорошо помнишь сего дохлеца, от коего немало терпели мы в детские годы. В возрасте двух лет Гастон объелся черешнею, отчего получил сильнейшее отравление и несколько дней находился при смерти. Все последующие годы он ловко пользовался сим малозначительным обстоятельством и извлекал из него немалые выгоды. Его даже никогда не высекли ни за одну из злобных его каверз, ибо матушка наша, памятуя давний тот случай, вечно боялась лишиться первенца своего.

Не без облегчения проводила я брата в действующую армию, но увы! Даже и это обернулось не в мою пользу. Брат мой быв, разумеется, ранен, и вот он во всей красе, стенающий и безпримерно страдающий, явился к нам со всеми своими недомоганиями и вапёрами. Вволю наслушавшись, как он сетует то на одно, то на другое, терпение мое окончательно лопнуло, и я явилась туда, где в кресле-качалке, прикрыв лицо кружевным платком, изнемогал под бременем бытия Гастон, кавалер дю Леруа.

– Любезный брат! – вскричала я.

Ответом мне был лишь слабый стон из-под платка.

Тогда я сорвала этот платок и прямо спросила:

– Гастон! Вам двадцать с малым лет; назовите мне сейчас же хотя бы три различия между семидесятипятилетним старцем и вами!

Он приоткрыл на это глаз и молвил, явно мучаясь моим присутствием:

– Во-первых, мне не семьдесят пять лет...

Иных убедительных различий он представить не смог, и если мне доведется пережить моего брата (в чем я, кстати, сильно сомневаюсь: кто всю жизнь только и делает, что умирает, может предаваться сему занятию сколь угодно долго), то на могиле его велю написать одно-единственное слово: «Отмучился».

Обнимаю тебя и целую от всей души

Навек твой друг  
Эмилия дю Леруа

## Третье письмо Гастона на прежний адрес

Друг Мишель!

Вот я и в отчих пределах. Погощу здесь еще несколько ден, дабы вконец не разобидеть деда своего и сестрицу.

Признаюсь, только я зашел в окошко дилижанса родныя доли и поля, только свежий ветерок овеял мое лицо, как в груди моей шевельнулось нечто теплое, и из глаз крупные слезы покатались. В сем восторге ко крыльцу усадьбы подъехавши, быв я встречаем дедом моим, благородным Эженом э Сю, храбрым гвардейцем покойной королевы и протчая...

В запыленном, объединенном молью парике своем он вышел на крыльцо в том же табачного цвета камизоле, в каковом отправлял меня на службу. Слово бы и не изменилось ничего, разве стало морщин поболее на лице его.

Оглядев мой дорожный костюм – нарочито скромный – он ни слова не сказал, только поджал губы многозначительно. Впрочем, мы облобызались по-родственному.

В дому, как и прежде, нет ванной комнаты, и омывать дорожную грязь мне пришлось в баньке, по сему случаю истопленной. Я же, отвыкший от сих древних диковин, более страдал, нежели мылся. Всякий раз, когда черноногая девка в холщовой исподнице плескала водою на пещ, глаза у меня вылезали изо лба. Когда же дрянная девка подступилась ко мне с терновым веником и чуть было не засекла до смерти, я спасся бегством. В ужасе зрел я в зеркале свою личность, сделавшуюся красной, словно бы вареный рак. От сего сраму не спасла меня и пудра.

После сих испытаний девка Агафья, банная моя мучительница, вошла в мою комнату и, по-варваски налегая на «и», словно бы этот звук наиболее важен во всех словах, пригласила меня отобедать.

За обедом узрел я целиком малочисленное семейство мое. Ты спрашивал меня в письме, какова Эмилия? Знай же, милый Мишель, что среди провинциальных люпинусов и чертополохов разцвела изысканная роза. Оно не удивительно – принимая во внимание породу. Сколь же горестно знать, что красота и изящество ее пропадают между кадок с капустою! Дед мой по скарденности своей не выпишет из Вирляндии повара – и бедная Эмилия сама распоряжается на кухне. Эконома не нанять – ах, все эконома страшные воры! – и несчастная девушка сама бранится со старостой и приказчиками. Ключница будет выпивать барские настойки – в шею ключницу! Пущай лучше Эмилия ведает кладовыми и припасами. Но что же? Вместо уныния вижу я, что Эмилия весела, добродушна и рачительна, словно бы ее все устраивает. Воистину, к любым страданиям человек привыкает.

За обедом – для меня несколько тяжеловатым – узнал новость. У Эмилии, как я и подозревал, завелся жених из соседей!

Говорила она со мною не без ехидных шпилек, каковые у девиц в ходу по адресу близких родственников. Угощаясь пирожками с клюквою, вспоминали мы младые проказы, как-то: в кукольную кроватку спрятанного убиенного мышонка, похищение тряпичной собачки и требование за нее выкупа и проч.

С женихом же своим обещалась она меня познакомить во время конного шпацера, на каковой шпацер меня решено было вытащить. Я было запротивился, да дед настоял.

Ну так вот, жениха сего зовут Ганс Дитрих из рода Апфелькопфов. Про себя же она его Милловзором именует. Месяца два они уж помолвлены, а свадьбою не спешат. Чудаки, право! Попробовал я также блеснуть за столом тонной беседою, рассказав приличествующий случаю анекдот об графине Л\*, у себя под кроватью собственного супруга обнаружившей. Но дед мой тут же свой анекдот рассказать наладился, об куртуазном кавалере де Р\*,

каковой кавалер с пригожею девицей за фриштыком беседовал и нечаянно ногою ее борзую суку пихнул. Каковая сука тотчас же в ногу кавалера вцепилась. А кавалер сей зело куртуазен был и виду о своем несчастье не показал. И пока продолжал он с девицею беседовать, зловредная сука ан ногу-то кавалеру по колено и отъела.

Стоит ли говорить, что анекдотцем сим я с самого детства многократное количество раз бывал угощаем? Впрочем, показалось мне, что сегодня он прозвучал не без значения.

Не успел я переварить яства, изобильныя и жирныя, отдыхая, по обыкновению, за рюмочкою розолина, как сейчас погнали меня одеваться для прогулки. Тщетно пытался я вразумить моих близких, что нездоров и от верховой езды зарекся после войны – жестокосердыя, они не вняли.

Выехали втроем – дед, Эмилия и я, на скверном брыкливом жеребчике безобразной масти. Вскоре присоединился к нам и Миловзор – славный и почтительный юноша, какими полны наши глухия провинции. Эмилия, должно быть, полюбила его за нежный голос и родинку. Родинка сия, слева от носа на лице расположившаяся, своим черным цветом ввела меня в заблуждение.

– Скажите, любезный Ганс, – спросил я, – неужели вы из столицы мушки выписываете?

На что он, покраснев совершенной девицею, не преминул возразить:

– На моем лице отнюдь не мушка, но родинка, доставшаяся мне от природы и моей родительницы.

Я же, в свою очередь, выразил весьма резонное недоумение – что же он будет делать, коль скоро мушки совершенно выйдут из употребления? На это наш деревенский скромник не нашелся ответить.

Объезжая вотчину, был я зело удручен неприятного рода ароматами, причина коих обильно лежала на вспаханных полях. Смущенный сим обстоятельством, я поминутно прикладывал к носу платок свой, пачулями надушенный. Дед мой, обнаружив смущение мое, сделался недоволен. Недовольство его усилилось, как только я справедливо пожаловался на комаров и иную каверзную живность, весьма мне докучающую. Когда же я осведомился, отчего бы не отрядить человека, дабы оный нарочитым снадобьем от гнуса поля окуривал, дед мой, как и давеча на крыльце, губы поджал и помрачнел тучею.

Возвращаясь в усадьбу, проезжали мы мимо поляны, где девки и хлопцы хороводились, распевая нестройными голосами. Не скрою, при виде сего первобытного веселия я подумал: «Ах, отчего не живу я среди них, одной жизнью с природою! Промеж этих диких, но простых сердец, трудясь в поте лица и разделяя грубыя их радости, я, возможно, был бы щастлив...»

На беду мою во время прогулки привязалась ко мне простуда, понуждая кашлять и терзаться при этом болью в ребрах. Да еще и Миловзор, на правах жениха с нами ужинавший, утомил меня вопросом: как мне, дескать, понравилось ли в родном доме? Я же, простудою раздосадованный, прямодушно отвечивал:

– Вам, здесь живущим, вероятно, кажется, что вы как бы в парадизе. Но это оттого, что вы иногo не видели и сравнить не можете. А я сравниваю и восторги ваши не разделяю. Вот, к случаю, на картинах несравненного Бенутто селянки одеты в наряды изящные, их пяточки босенькие восхитительны, нежно-розовый цвет имеют. И танцуют они изысканные танцы, котильон или даже павану. Отчего же у селянок, коих мы видели, пятки являют собой как бы брюкву неочищенную? Отчего одеты они в крашенину и танцуют отнюдь не котильон, а какой-то, с позволения сказать, «Бычок»? Далеко им еще до совершенства!

Миловзор, слушая мои речи, впал в изумление. Он застыл наподобие истукана, приподняв бровь, такую тонкую, будто выщипанную. А сестрица моя Эмилия над моими словами обидно разсмеялась, как бывало в нашем детстве. Дед же внимал молча, только ножом по тарелке зело шкрябал – дурной признак!

Миловзор, изумление преодолев, спросил:

– И как же вы думаете исправить сие?

Я, продолжая прямодушествовать, рек:

– Очень даже и просто. Первым делом на месте полей разбил бы парк, садовников бы выписал. Лужки бы гораздо выстриг, как бы газоны, очень модные. Реку запрудил бы повыше и провел бы фонтаны, да статуи бы привез. В озерцо, напрежь уток, выпустил бы двух лебедей, белого и черного, с красным клювом. А напрежь карасей да язей – золотых рыб. А девок бы велел отмыть, они бы в парке живыя картины представляли...

При этих словах дед мой кулаком вдруг ударил по столу, отчего все приборы подпрыгнули и вдрызг разбились. Сам он налился желчью по самые глаза – я уж испугался, не случится ли с ним кондрашка. Но он процедил лишь нечто сердитое и ушел в свои покои, зело хлопнув дверь.

С тем и ужин закончился.

Когда же присел я у огня, по обычаю своему после ужина отдохнуть, пришла сестрица моя Эмилия и выговаривала мне, отчего я в мои леты такой пессимист?

Ну как я ей отвечу – отчего?

В довершение трагедии я вышел в отхожее место (каковое по вздорному капризу судьбы на дворе пребывает) и был комаром во всякое место уязвлен. По каковым причинам, снедаемый чесоткою, немилосердно кашляющий, я ворочался на перине, пока прямо под моим окном проклятыя петухи не завели своих громкоголосых альб.

Такова, мой друг, жизнь в деревне. Она не для твоего

Гастона дю Леруа

писано в усадьбе «Дубки»

после ледохода день одиннадцатый

## Письмо Гастона на тот же адрес четвертое

Дорогой друг!

Вот и стал я теперь столичный житель. Уехав из родовых стен, в коих меня за дурачка почитают, утвердился я в собственном доме, где сам себе господин. Всякий день в ванной моюсь и гуляю по першпектам, красота и стройность каковых даже иностранцев в изумление приводят.

С грустью осмотрел я особнячок – последний приют тетки моей Лавинии. Приезд мой совпал с исходом оттуда безчисленной армии приживалок и компаньонш. Оные, косорукия и кривобокия, на ноги припадая и в поясе переломившись, зело о судьбе сокрушались. За ними целая свора болонок, также колченогих, а иные – в салопчиках и попоночках – препотешно тащились. Провожал я сию армию нелестным напутствием, но некоторая из собачек внезапно внимание мое на себя обратила. Как бы нечаянно зашибив об порог ножку, она заплакала, поворотив на меня выпученные глазки, в коих совсем человеческое страдание светилось. Узрев, что я ее заприметил, собачка, плакать продолжая, мне хвостиком замахать не преминула.

Страдания всегда вызывали во мне уважение, так и собачка мое расположение ими снискала.

– Сию желтенькую сучку оставить! – распорядился я. И тут же узнал, что именем она Милушка и жить без двух старых мамок своих нипочем не может. Пришлось и мамок поворотить, из числа приживалок словно бы нарочито самых кривобоких. Одна на правый бок крива, другая – на левый. А желтенькая собачка Милушка в обеих души не чает.

Этак вот походя и обзавелся я сразу двумя приживалками и болонкою. Впрочем, в первый же день на першпекте зрел я многих кавалеров и дам со всякими мопсиками и левретками, иные из которых гораздо уродливее моей Милушки. В сей же день не преминул я в нарочитую лавку наведаться, где и заказал у особого портного для Милушки новый голубенький салопчик, капорец и юбочку с фижмами.

Вообще по лавкам пробежавшись, прикупил я шейных платочков и перчаток. В оружейной лавке ножны парадныя прикупил – старья пооббились.

В комнатах особняка моего учинил перестановку, но мебели и оббивки менять не стал, хотя оббивка местами и засалилась. Такая морока это, а я все нездоров и не с руки мне. И Мартос, ленивый мой слуга, в том же меня убеждал.

В комнате на втором этаже, что почище, теперь кабинет мой. Там и бювар, и бюро, и нарочитый стол для письма, с прихотливою чернильницей, в коей помимо чернил скопившиеся клопоканы гораздо плавают. В кабинет сей я сейчас две картины распорядился повесить. Одну из них ты знаешь, то – «Проказы на лугу», кисти несравненного Бенутто. Вторая неизвестной кисти, мною на станции «Чемшары» приобретенная. На оной писана купающаяся фея, весьма подробно. Будет время, вышлю тебе с нея список.

Одна из милушкиных кособоких мамок, именем Азель, вызвалась кухарить. И Мартос, мой слуга склочный и обжористый, не преминул с оной безобразную свару учинить. Каковая Азель уличала его в покраже ветчины из корзины, о чем и прибежала ко мне с докладом. А Мартос, лживый мой слуга, с криками: «Ты сама подлая и воровка!» собственным аблокотом выступал. Шумом и суматохою зело оба мне досадили, и пришлось дуру, равно как и дурака, поучить палкою, к ужасу нежной моей Милушки, так что она собачка от конфузу лужицу напустила. Указал я на нее перстом и людям своим рек: «Иным человекам у собачки чувственную деликатность признать бы не грех!». Пристыженные сим реприманодом, обое удалились, ворча.

На другой день, гуляя по столице, натолкнулся я на однополчан, Стефана дю Пескье, виконта, и Андреа Горьяни, каковыя меня на ассамблею соблазнили итти. Оба нисколько не переменились, все так же ветрены и болтают вздор. У Стефана, как и у меня, этим годом скончалась тетушка, ради каких причин траур мешает ему с Мелиссой э Туа обвенчаться, каковая девица, по слухам, адмирала Мушэ незаконная дочь.

Зашедши пообедать в ресторацию (в клуб идти было по времени рано), повстречали мы еще одного знакомого. И встреча сия неприятное чувство по себе оставила.

В ресторации, в окружении зело сомнительных персон, восседал наш однокашник по корпусу Витас Марецкой. В каком же бедственном положении он теперь!

В кампании против амалупцев Витас премного геройствовал, но в битве – один супротив двух василисков – частично окаменел. Вышед в отставку, по внешнему своему уродству и свирепому нраву лишился он привычного общества и теперь карточный шулер. Пенсия свой спускает на пианство и всякий день за картами бывает бит. О чем оный нам и поведал, поминутно за наш щет выпивая. Напившись, он очевидно забылся и возжелал с нами в карточки перекинуться.

– Как я есть геройский герой, – объявлял он, – и имею семьсот золотых долгу, то желаю отыграться. Вот ты, – говорил он мне, – не желаешь играть, так купи у меня хоть девку! – Каковая девка с тупою личностью, пьяная, тут же пребывала. – Купи! За четыреста отдам! – Уговаривал он. – Можешь с фронтиру ея брать, можешь – с тылу. На все горазда!

– Ни к чему мне, – смущенный сией откровенностью, я отвечивал. – Да и к тому же, верно, она воровка.

– Ничуть не воровка, – возражал мне Витас. – Со мною уже несколько ден, а ничего у меня не пропало!

Хотел я было возразить, оттого не пропало, что нечему у тебя пропадать, да воздержался. И стало мне горько – так мы еще молоды, а что с нами делает злодейская судьба! Иной болван и невежа, отцовские деньги мотая, в ус не дует, а иной, уважения достойный, пребывает в ничтожестве и горе.

Хотели мы с друзьями поднести ему денег с тем, чтобы он переменял жизнь свою и честь Пажескаго корпуса не срамил, но плюнул он на нас и, обругав, отвернулся.

Случай сей настроение мое зело омрачил. Так что обедал я без аппетита. Но друзья, ипохондрию мою наблюдая, вызвались меня по городу проводить. И зрели мы зело много волшебств, как-то: многоцветных фонтанов, каковыя в ночное время свет испускают, нарочито самодвижущуюся лестницу из хрусталя, знатным колдуном устроенную в подарок городу, восьминога, в бассейне на площади Торжеств танцевать обученного, а также живого арапа, каковой с подносом для визитных карточек в приемной у графини де Нуар стоит. Зрел я тако же и развод ея величества гвардейцев и был немало разочарован – взамен прежних голубых панталон с шитьем у них ввели невообразимыя какие-то шаровары, весьма уродливыя. Правильно-таки не пошел я в гвардию!

Обошли мы и увеселительные балаганы подле зверинца. Был там балаган, в каковом судьбу по руке гадали. В нарочитую дырку руку с монетой суешь, тебе и предрекают. Со смехом протянул я руку свою, а дура-гадалка, чистотой и изяществом ея смущенная, приняла меня не иначе за даму и посулила мне богатаго любовника. То-то смеялись мои приятели!

Таскались мы таким манером до вечера, а с тем переменял я наряд и, надев новый паричок (теперь носят с шестью булачками, по три булачки на сторону, и гораздо рисовой пудрой присыпают), отправился в ассамблею, что все в том же дворце графини де Нуар проходила.

Встретившись по условленному с однополчанами моими, прошед я в залу, где дам и кавалеров различного фасону общим числом штук двести узрел. Я было заробел, но приятели мои подвели меня к очаровательной графине и тут же представить ей не преминули.

Графиня сия, дама умная и любезная, меня своим подругам отдала в плен. Все они, хотя и жеманницы, столь были хороши, что попал я среди них как бы в цветник.

Дабы блеснуть остроумием, поведал я сим дамам о том, како иные деревенские помещики под видом мытья занимаются в банях утонченным развратом при помощи терний, каковыми их девки потчуют. Дамы охотно посмеялись, а одна из них, баронесса дю Ш\*, так мне сказала:

– Ежели вы, любезный кавалер, до подобных развлечений охотны, то знайте, что при дворе государевом этими днями коварную шпионку и злодейку изобличили, именем Феанира. Каковая Феанира под ложным именем княгини Траяны при дворе секреты выведала и, говорят, обокрала верховного чародей-министра. Но по случаю злодейку схватили и в Дворянской тюрьме содержат. В ходе же следствия решено мерзавку пытать посредством розог и палочных ударов по пятам. Каковая пытка на днях же произойдет, и любой желающий по подписке на нее может абонементик приобрести. Впрочем, – баронесса жентильно зевнула, – преступница безобразна и стара...

Я же, опытом наделенный, смекнул: коли одна женщина про другую говорит, что та стара и безобразна, верно, она нарочито молода и приятна. Впрочем, развлечения подобныя для меня излишне чудачны и нужды нет знать, стара ли преступница или напротив.

За сим были танцы, в которых я преуспел до судорог в икрах, а потом – шарады и аллегории. Мы с баронессою аллегория устроили – «Любопытство, Откровенностию посрамленное» – весьма искусно, что все присутствующие подметили.

После угощался я мороженым и перепробовал осемь сортов, ради каких причин горло мое запершило.

Возвращался я домой совершенно разбитый, ног под собою не подозревал и ошибкою чуть не вошел в окно лавки табачника, что рядом с моим домом.

Дома же Мартос, грубое животное, устроил с другой кривобокою мамкой (не Азелью) сущую баталию на предмет расходования свечей. Я же, до смерти изможденный, взял свою верную Милушку на колени и, отдыхая, так ей сказал: «Хорошо, что и в столице не всякий день балы да куртаги, не то через оные и помереть очень просто».

Таким вот образом и существует в новом качестве твой признательный друг  
Гастон дю Леруа

писано в столице на улице Говорящих Голов  
в собственном доме  
первая седмица летних зорь

P.S. Отсылаю тебе с сией оказией бонбоньерку с финифтью и слова канцоны, каковую графиня де Нуар с баронессою дю Ш\* на ассамблее дуэтом распевали под клавицын.

Мне черты твои приятны  
И слова твои любезны.  
Но мольбы твои невнятны,  
Оттого и бесполезны.

Ты страшишься кривотолков  
И таишь свои признанья;  
Я же, друг, одним лишь только  
Смельчакам дарю лобзанья.

Пусть их шепчутся завиды,

Счастью нашему не рады.  
Лгать не станем и для виду!  
Прочь докучные наряды,

Прочь притворные манеры –  
Мы в тот край бежим, нагие,  
Где все дамы, кавалеры  
Лишь любовью заняты.

Трус приятства недостоин,  
Слушай сей наказ и ныне,  
Будь отважен, о мой воин,  
И ступай на штурм твердыни.

## На тот же адрес письмо Гастона пятое

Увы мне, любезный Мишель!

Несчетные горести и злобы людские подвергли угрозе не токмо благополучие, но и самое существование мое. Бедствия жизни подстерегли меня, как-бы громы среди чистаго поля – негде укрыться.

Соблазнами столицы прискучив, да и по нездоровью, манкировал я участием в турнире во дни летних праздников. К тому же доспех мой из моды вышел, а новые мнутся мне уродливыми. Этим я однако много потерял в глазах баронессы дю Ш\*. Впрочем, о сем не горюю – у оной баронессы на всякий день в году нарочитый любовник имеется, так что мне до високосного году пришлось бы ожидать вакации.

Оттого я последнюю седмицу все больше дома анахоретом сидел. Завел, кстати, обычай из трубки курить всевозможные табаки, благо лавка-то рядом. По сему случаю и трубок купил, янтарных да черешневых, зело искусных.

Жолтенькая собачка моя, Милушка, третьего дни в ночь неловко с оттоманки спрыгнула и спинку себе зашибла, при этом разрыдаться не преминув. Так прежалостно она и плакала, не смогнув даже на ножки встать. Ради этих причин погнал я Мартоса, вечно спящего своего слугу, за лекарем. Оный, приехав, выдал Милушке снадобье, произвел над нею ряд нарочитых манипуляций и затребовал по щету гору денег. Таким вот образом бесплатная моя собачка обошлась мне в тридцать монет серебром, за каковые деньги можно лошадь купить. Но для верной своей Милушки я ничего не пожалею. Уж так эта собачка страдала, что от жалости сердце мое едва не остановилось. Теперь она потихоньку поправляется, единственное утешение мое. Нрав у нея такой любезный, равно и повадки, что Мартос, грубый мой слуга, и тот полюбил Милушку. Всякий день гуляет с ней на газоне, чешет шерстку и «госпожой» именует.

Приступаю, однако, к событиям, еще более ужасным, нежели болезнь болонки.

Вчера вечером, быв в своем кабинете, я курил из трубки да забавлялся с Милушкою, каковая из невиннаго озорства полу моего шлафрока изрядно пожевала. И вот посреди сих забав услышал я снизу тихонький стук в дверь.

Мартос, мой слуга сибаритствующий, спал сном мертвых, ради каковых причин пришлось мне самому отворять. Отчего же не остался я в кабинете! Чего мне стоило? Но нет – самый враг рода человеческого внушил мне любопытство к причинам сего несвоевременнаго визита.

Отворяю я дверь – и зрю на пороге молодую женщину приятной и благородной наружности, одетую, впрочем, в неподобающую ей простецкую одежду. Оная женщина протянула ко мне руки с мольбою и рекла:

– Благородный кавалер! Не откажите в помощи нуждающейся даме, ибо пред вами – дама благороднаго происхождения. Мне нужно переждать до открытия городских ворот, не бросайте же меня на улице в плачевном моем положении. Мой ревнивый муж гонится за мною с тем, чтобы убить, – злые люди оклеветали меня...

Я же, как и подобает человеку нашего круга, так ей возразил:

– Не трудитесь более объяснять. Как кавалер даме я помогу вам, но подробностей мне не нужно – навряд ли оные до меня касаются.

С этим я провожу ее в дом, бужу кривобокую Азель, велю которой нагреть воду для ванны и подать ужин для гостыи. После чего возвращаюсь в свой кабинет, где и предаюсь грезам об новом моем камизоле, у портного Кашицера заказанном.

После ванны и ужина, облачась в теткин пеньюар и мой лазоревый шлафрок, неизвестная дама, не спросясь, проникла ко мне, якобы затем, чтоб благодарности изъяснить. Нимало в них не нуждаясь, я также подозревал, что будет мне предъявлен докучный рассказ об злодее-муже и прочих ее несчастьях. Но что же – незнакомка жалобится мне на то, что ей в постели, для нее накрытой, спать зело прохладно.

Не зря в сем никакой каверзы, снова бужу я Азель, каковой велю принести из чулана теплыя одеялы. Дама же речет: «Ах, одеял мне недостаточно!». Я же в простодушии своем предлагаю ей взять на постель мою Милушку, каковая среди прочих собачьих премудростей горазда ноги согреть.

Незнакомая дама на это поджала губку обиженно и, молвив: «не надобно мне вашей Милушки!», ушла. Но увы – ненадолго. А я уж понял, какого рода нужна ей грелка. Что ж, у благородных дам свои причуды – у меня свои. К шалостям не было у меня настроения. Покой же свой я ценю более случайной и мимолетной ласки, каковой все равно, на кого расточаться. Зело смешны мне мужчины, которые, завидев доступную впадину, самый ум свой теряют.

Не успел я и трубки выкурить, как снова незнакомая дама передо мною явилась, на сей раз в одну лишь рубашку одетая. Нисколько этим не конфузясь, сказала она, что в постели ей немилосердно скушно. На что я в третий раз пробудил несчастную Азель, велел подать даме свещей, а самой гостье предложил на выбор несколько новомодных романов, каковые сон нагоняют пуще любого снадобья. Дама, едва не заплакав, сказала: «Ах, не хочу я романов!» – и с тем ушла.

Когда же в третий раз она вернулась, то была прямо в первозданном виде. А я, преспокойно дымовые кольца выпуская, нарочито ровно осведомился:

– Что с вашею одеждою, сударыня?

– А что? – спросила она, войдя в недоумение.

Я неспешно из трубки затянулся и заметил:

– Ея нет.

Тут уж прелестная моя искусительница яростно топнула ножкою, сбросила на пол и разбила при этом фарфоровую букеточницу и в слезах к себе убежала. Более она меня не тревожила.

Поутру она незнакомка потихоньку мой дом покинула, похитив ради каких-то причин один из моих дорожных костюмов. Свои же нелепые обноски любезно мне оставила, как бы на память, об чем мне сообщил Мартос, глупый мой слуга. Согласись же, Мишель, что начало истории выглядит анекдотом. Читай же далее и вместе со мною ужасайся.

Не успел я закончить свой утренний туалет и принять нарочитые капли для желудка, как в дом мой ворвались солдаты, числом одиннадцать, и сержант городской охраны. Каковой сержант предъявил мне приказ об моем аресте. Солдаты же его вмиг перерыли мой особнячок. Некоторый из них, бывший во дворе, подошел к сержанту, что-то на ухо ему произнес. У сержанта в лице появилось сахарное выражение, словно бы плыли к нему сами собою офицерския регалии.

– Ради каких причин, – рек он мне, – обретаются в вашем палисаде сломанныя кандалы?

Не найдясь ответить, я возразил:

– Верно, их обронил кто-нибудь.

Сержант отворил рот пошире и зело громко зачал орать:

– Что вы, за дурака меня держите? Может быть, еще скажете, что в дамское платье сие сами наряжаетесь, сообразно вашим фантазиям? – При этом он на незнакомкины обноски указывал. – Да я сейчас тебя в Особую канцелярию за ухо сведу, будешь умничать!

На это я заметил гневливому сержанту, что я-де дворянин и требую к себе должнаго обращения. Трусил я при этом немилосердно, но и сержант хвост поприжал.

Отконвоировали меня в Особую канцелярию через весь город, како изловленного татя. Уповал я при этом конфузе на то, что редкий мой знакомый в столь ранний час из дому выходит.

В оной канцелярии вместо плачей и скрежетов зубовных я узрел прескушную волокитную обстановочку. Самые люди там на лице серый от скуки вид имеют, ползают, будто бы мухи по окошку.

Свели меня к чиновнику, каковой за дряхлостью лет сыпал из себя песочек и имел уши, заткнутыя пеньковыми веревочками. Чиновник оный был со мною ласков, не орал, а напротив – говорил тихо и даже не без деликатности.

Опросив меня по формальности, как-то: кто таков, где служил, не крал ли полковой казны и проч. – задал он мне иной вопрос: быв ли я знакомцем лже-княгини Траяны, сиречь шпионки Феаниры?

– Никак не быв, – отвечал я.

– Есть у меня противу вас, сударик мой, три свидетельства, – рек чиновник и позвонил в особый колокольчик. Тут же дверь отворилась, и вошел в нее... собственной персоной аль-Масуил, о коем я тебе как-то имел случай написать.

– Вот первый свидетель, – сказал при сем чиновник.

– Помилуйте, как сей ярмарошный факир может быть свидетелем? – изумился я.

– То не факир, но важный человек – государев колдун, – отвечал чиновник тихо, но строго, – каковой в провинциях Галадора сведения обнаружил об лже-княгине и с докладом ко двору спешил. И какового вы, как он уверяет, нарочито в отхожем месте заточили.

– Точно, сей и есть тот мерзавец! – вскричал аль-Масуил, роняя со рта пену, словно бы взбесившийся пес. – Чудом удалось мне вырваться из плена, чудом добрался я до столицы, и вот – справедливость!

Произнося сие, неряшливый чародей запахнул на себе бывалый халат свой и, роняя с ног туфли, удалился.

– А вот, милый юноша, и второе свидетельство, – с этими словами подал мне чиновник бумагу, в коей прочитал я следующее:

«Обвиняемая Феанира, будучи на пристрастном допросе, после десяти розог и восьми ударов по пятам, признала, со слов дознавателя, что была знакома с кавалером дю Леруа, каковой кавалер, получив от нея золото, взялся почтенного колдуна аль-Масуила извести. От протчего шпионка отпиралась, и еще после четырех ударов по пятам впала в безпамятство. Что на деле оказалось уловкою. Будучи оставлена до продолжения допроса в лазарете, оная Феанира неким способом освободила из кандал одну руку и при помощи шпильки для волос часового стражника злодейски умертвила. После чего, под покровом ночи, бежала».

– Но сие – полный вздор! – вскричал я. – Под пыткой женщина оговорила меня по слабости...

– Хороша слабость – часового шпилькою заколоть, – хмыкнул чиновник и продолжил: – Но есть и третье свидетельство – платье тюремное и кандалы, у вас найденные. Именно что у вас, ни у кого другого. Положение ваше, милый юноша, зело печально...

Сказав так, чиновник вышел, я же от тоски и долгаго ожидания чуть не помер. В подобных заведениях все нарочито серо и скушно устроено, дабы глаза не на что было положить. Тоска – главное их оружие. Посидишь полдня среди уныния и безличности сих – и не надо пыток. Сам себя оговоришь.

Наконец чиновник вернулся и огласил мою судьбу. По щастию, в городе наш полковой командир пребывает, оный за меня поручился, и в Дворянскую тюрьму до конца следствия меня не сажают. Сажают только под домашний арест, с правом свиданий, переписки и протчая. Кормежка стражников – за мой щет.

С тем и воротился я домой, где предаюсь горьким размышлениям. Если не случится мне себя оправдать, то меня, верно, четвергуют, не говоря уж о позоре на все семейство мое.

Но какова Феанира!

Кстати, я так и не выяснил, чья она шпионка и что у чародей-министра украла. Впрочем, мне ли до этого дело? Досадно только, что лже-княгиня по пятам лишь дюжину ударов получила – по коварству своему она десяти дюжин заслуживает, если не более. Каковую досаду, надеюсь, ты разделяешь со своим другом

Гастоном дю Леруа

Писано в собственном доме под арестом.

P.S. Пришли мне цветных ниток и образцов для вышивки – буду этим себя занимать.

## Журнал Эмили д'ю Леруа Отрывок из прошлого года, с осени

Не та ли пора для селянина наилучшая, когда наступает время сбора плодов, когда земля и деревья и вся окружающая натура как бы из благодарности щедро отдаривает человека за заботы его? Иной горожанин подумает, что так и есть; но насколько ошибется он в своем поспешном суждении! Время урожая – это время неустанных трудов, кои не могут быть прерываемы и на миг... Однако ж ближе к осени наступает и некоторое облегчение от работ, устраиваются ярмарки, праздники и т. п. Я люблю бывать на них, наблюдая обилие плодов и лица селян, исполненные довольства.

Нынче дед мой вздумал посетить сельскую ярмарку в Мальвазине – точнее будет сказать, не ярмарку, а нечто наподобие картинной ассамблеи, где вместо картин живописных и изваяний мраморных представлены великолепнейшие в свете свиньи, овцы, коровы и т. п. полезные животные, а также и разнообразные овощи и семена. А что до знатоков и страстного их желания приобрести тот или иной *chef d'oeuvre* – здесь сходство полное, вплоть до единообразия.

Мы наблюдали великое множество репы, редьки, капусты, маркровки и проч., в том числе и лучшие сорта квасной редьки, кои я вознамерилась купить, а также и полмешка карамельной свеклы, коя равно годится на изготовление сладких конфет, при ином же способе – крепкого хмельного напитка, особливо ценнаго в зимния холода.

Сговариваясь с селянином, лживым и жадным, о цене за свеклу, со мною произошла неожиданная встреча, а именно: некий молодой кавалер, чрезвычайно пригожей наружности, так любезно возразил мне:

– Не чаял вновь увидеть вас пред собою, сударыня, и оттого несказанно рад вдвойне.

Я несколько резковато заметила ему, что он помешал моей покупке, на что он молвил: «Но это совершеннейшие пустяки!», сунул селянину деньги – вдвое меньше, чем тот заламывал, – перегрузил свеклу на мою телегу и, показав напоследок селянину эфес шпаги своей, добавил:

– И то для тебя слишком честь, что я шпагу свою благородную тебе показываю; когда же проткну тебя ею насквозь – будет тебе как бы посвящение в рыцари.

На что селянин не промолвил ни слова.

– Все, кто торгаши, – чрезвычайно лживы и грубы, – молвил сей любезный дворянин, обращаясь ко мне с улыбкою, – и следовало бы учить их, хотя-бы изредка.

Однако ж я никогда не позволю запросто с собою заговаривать, хотя бы даже и на ярмарке, и оттого сказала ему холодно, что не имею такой чести знать сего кавалера, да и за честью таковою не гонюсь.

– Сие жаль! – засмеялся он, не смутившись. – Ибо возмечталось уж мне попробовать конфет, кои в доме вашем наделают из сией свеклы... Однако ж мы не вовсе незнакомы – мы встречались у г.Ж\*, когда вы добротой своею спасли от неминуемой гибели кошку.

– Знакомство с г.Ж\* – не лучшая рекомендація в моих глазах, – заметила я. – Позвольте мне теперь итти.

Он учтивейшим образом поклонился и отошел в сторону.

Но вскорости суета ярмарочная вновь соединила нас – на сей раз в палатке, где были нарочно выставлены на обозрение и суд разнаго рода комическия овощи: иные причудою природы возросли так, что напоминали толстошеекое лицо с длинным острым носом; иные – другие части тела, по-всякому пухлые, искривленные или в различных позах (напр., скрещенные ноги) и т. д. Некоторые владельцы нарочито старались выращивать плоды забав-

ными с помощью особых приспособлений, и всякий хранит сие приспособление в строжайшей тайне. Все отобранные комические овощи имели каждое свой номер, и зрители подписывали под тем номером, который глянулся им более. Тот номер, что соберет наибольшее количество подписей, будет выигрышным, а владелец получит премию – красивую козочку с золотым ошейником, да еще хорошо продаст свой плод мэрии Мальвазина, где оный плод-победитель покроют особливим лаком и поместят в стеклянном шкапу, где зал заседаний.

Осмотр комических плодов и вынесение вердиктов по поводу оных происходил, как всегда, очень весело, и тут я вновь увидела пригожего моего покупателя свеклы.

– Как? И вы здесь, любезная Эмилия? – как ни в чем не бывало вскричал он.

Как раз в этот момент я хохотала, разглядывая корень марковки, точь-в-точь похожий на жеманничающую толстуху с отставленными в стороны коротенькими ручками, крошечной головой на жирных плечах и сплетенными как бы в застенчивости ногами. Смеясь, я не могла быть суровой и потому кивнула не без приветливости и осведомилась насчет имени кавалера.

– Ганс Дитрих фон Апфелькопф! – назвался он, предлагая мне руку, и остаток выставки мы осматривали уже вместе.

Я оставила свою подпись под марковкой-толстухой, Ганс Дитрих – под одной брюквиной, серой, с продольными складками, одна из коих напоминала мясистый нос. «Это лучший портрет моего полкового командира, какой мне только доводилось видеть», – объяснил он. В наилучшем настроении провели мы остаток дня.

Милая моя Уара!

Свершилось! Скорее поздравь да обними от всего сердца свою Эмилию – меня настигла ЛЮБОВЬ! Я встретила ЕГО, нежного, веселого, исполненного учтивости, ума и всех прочих качеств! В журнале своем и наедине с собою я зову его Миловзором – узнай же теперь и ты это имя. Миловзор!.. Красив ли он? Возможно... Но БЕСКОНЕЧНО мил! Дед хоть и ворчит, но с выбором моим, кажется, согласен. По крайней мере, Миловзор теперь нередкий у нас гость. Иной раз заворачивает к нам запросто во время конной прогулки – выпить с дедом наливки и потолковать насчет способов фронтальной конной атаки. Обоих занимает вопрос взаимодействия пехоты с конницею – как они должны обоюдно укреплять друг друга на поле брани. Дед – человек старого закала и держится того мнения, что конник несоизмеримо важнее пехотинца и что ежели идут лавою, то тут уж под копыты не суйся. Миловзор же возражает не без резону, что пехоту топтать не годится и надобно умело чередовать одно с другим, т. е. конных и пеших. Все это выходит очень складно и интересно, только я не умею пересказывать.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.